

Райл, Гилберт

Обыденный язык

Ryle G. "Ordinary Language". *Philosophy and Ordinary Language*, Urbana, 1960, pp. 108–127

Пер. И. В. Борисовой

В своей аргументации философы часто прибегали к ссылкам на то, что мы говорим и что не говорим или, точнее, что мы можем и что не можем сказать. Такие аргументы имеются в сочинениях Платона и широко представлены в работах Аристотеля.

В последние годы некоторые философы, будучи чрезвычайно обеспокоены природой и методологией своей профессиональной деятельности, придавали аргументам подобного рода большое значение. Другие же философы опровергали их. Споры о достоинстве этих аргументов не дали поучительных результатов, поскольку обе стороны искажали существо проблемы. Я же хочу сформулировать ее в неискаженном виде.

ОБЫДЕННЫЙ

В этом споре повторяется одно выражение, а именно «употребление обыденного языка» (the use of ordinary language). Часто – и совершенно ошибочно – его заменяют выражением «обыденное употребление языка» (ordinary linguistic usage). Некоторые сторонники такого подхода утверждают, что все философские проблемы связаны с употреблением обыденного языка или что все философские проблемы решаются или могут быть решены посредством рассмотрения обыденного употребления языка.

Откладывая на время разбор понятия *употребление языка*, я хочу начать с противопоставления словосочетания «употребление обыденного языка», казалось бы, похожему, но на деле совершенно другому словосочетанию «обыденное употребление выражения "...»». Когда говорят об употреблении обыденного языка, слово «обыденный», имплицитно или эксплицитно противопоставляется «необычному», «эзотерическому», «техническому», «поэтическому», «символическому» или иногда «архаичному». «Обыденный» означает «общий», «современный», «разговорный», «общеупотребительный», «естественный», «прозаический», «несимволический», «понятный обычному человеку» и противопоставляется обычно словам и выражениям, которые умеют употреблять лишь немногие люди, – таким, как технические термины или искусственная символика юристов, теологов, экономистов, философов, картографов, математиков, специалистов по символической логике и игроков в королевский теннис.

Четкой границы между «общим» и «необщим», «техническим» и «нетехническим», «устаревшим» и «современным» не существует. Является ли слово «карбюратор» общеупотребительным или нет? Можно ли сказать, что слово «бахрома» в ходу у обычного человека – или же только у обычной женщины? Как быть с «непредумышленным убийством», «инфляцией», «коэффициентом» и «вне игры»? С другой стороны, ни у кого не вызовет сомнения, к какой стороне этой ничейной земли следует отнести слова «изотоп» или «хлеб», «материальная импликация» или «если», «бесконечное кардинальное число» или «одиннадцать», «считать» или «полагать». Границы «обыденного» размыты, однако обычно мы не сомневаемся в том, принадлежит или не принадлежит какое-то конкретное слово или выражение обыденному языку.

Но в другом выражении – «обыденное употребление выражения "...» – слово «обыденный» противопоставляется не «эзотерическому», «архаичному», «специальному», но «нетипичному» («non-stock») или «нестандартному». Мы можем противопоставить типичное или стандартное использование столового ножа для рыбы или сфигмометра какому-то нетипичному использованию этих предметов. Типичное применение ножа для рыбы состоит в том, чтобы с его помощью разрезать рыбу; однако его можно использовать для разрезания семенного картофеля или в качестве гелиографа. Сфигмометр, насколько я знаю, может использоваться для проверки давления в шине, хотя это его применение не является стандартным. Независимо от того, относится ли прибор или инструмент к общеупотребительным или специальным, существует различие между его типичным и нетипичным применением. Каким бы ни был термин – в высшей степени техническим или нетехническим, – существует различие между его типичным и нетипичным употреблениями. Если термин является исключительно техническим, то большинство людей не будет знать его типичного употребления, как и, *a fortiori*^[2], какого-либо нетипичного его употребления (если гяковое имеется). Если же он является общеупотребительным, то почти все знают его типичное употребление, а большинство людей также и некоторые его нетипичные употребления (если таковые существуют). Есть много слов – таких, как «of», «have» и «object» - которые не имеют одного типичного употребления, как не имеют единственного типичного употребления и слова «string», «paper», «brass» и «pocket-knives». Многие слова не имеют нетипичных употреблений. К ним относится, на мой взгляд, слово «шестнадцать»; то же самое можно сказать и о «бледно-желтом нарциссе». Не имеют нетипичных употреблений, вероятно, и запонки для воротничка. Нетипичными являются, например, метафорическое, гиперболическое, поэтическое, широкое и специально узкое употребления слова. Кроме того, что мы противопоставляем типичное употребление некоторым нетипичным употреблениям, мы

часто хотим противопоставить типичное употребление какого-то выражения некоторым подразумеваемым, предлагаемым или рекомендуемым его употреблениям. Противоположность здесь не между правильным употреблением и неправильными употреблениями, но между правильным употреблением и тем, что предполагается или рекомендуется в качестве правильного.

Когда мы говорим об обыденном или типичном употреблении слова, нам не надо давать ему какие-то дополнительные характеристики, например одобрять, рекомендовать или подтверждать его. Мы не должны ссылаться на его типичность или что-то на ней основывать. Слова «обыденный», «стандартный» и «типичный» могут просто указывать на какое-то употребление, не описывая его. С философской точки зрения они бесполезны, и без них можно с легкостью обойтись. Говоря об обыкновенном ночном стороже, мы просто указываем на ночного сторожа, который, как мы знаем, в рабочее время обычно находится на работе; при этом мы не сообщаем о нем никакой информации и не воздаем должное его надежности. Говоря о стандартном написании слова или о стандартной ширине колеи британских железных дорог, мы не характеризуем, не рекомендуем и не поощряем написание слова или ширину колеи; мы указываем на то, что наши слушатели поймут без раздумий. Иногда, естественно, такое указание не достигает цели. Иногда типичное употребление слова в одном месте отличается от его типичного употребления в другом месте, как, например, происходит со словом «suspenders»^[3]. Иногда типичное употребление слова в одно время отличается от его типичного употребления в другое время, – так изменилось употребление слова «nice»^[4]. Спор о том, которое из двух или пяти употреблений слова является типичным, не есть философский спор о каком-либо одном из этих употреблений. Следовательно, с философской точки зрения он не представляет интереса, хотя его решение является иногда предварительным условием коммуникации между философами.

Если я хочу рассказать о нетипичном употреблении некоего слова или ножа для рыбы, то недостаточно бывает сослаться на него с помощью выражения «его нетипичное употребление», поскольку у него может быть несколько нетипичных употреблений. Чтобы привлечь внимание моего слушателя к какому-то конкретному нетипичному употреблению этого слова или предмета, я должен охарактеризовать его, например описать особый контекст, относительно которого известно, что это слово употребляется в нем нетипичным способом.

Хотя это всегда можно сделать, для типичного употребления некоего выражения необходимость в таком описании редко (разве что в философских спорах, когда коллеги-философы изо всех сил притворяются, будто они понятия не имеют о его типичном

употреблении) возникает трудность, о которой, разумеется, они напрочь забывают, когда учат его употреблению детей или иностранцев или же наводят о нем справки в словарях.

Теперь понятно, то обучение обыденному или типичному употреблению выражения не обязательно есть обучение употреблению обыденного или распространенного выражения, хотя и может быть таковым; точно так же, как обучение стандартному употреблению инструмента не обязательно есть обучение применению домашней утвари. Слова и инструменты, будь то необычные или общеупотребительные, в большинстве своем имеют типичные употребления и при этом также могут иметь нетипичные употребления или не иметь их.

Философ, который утверждает, что определенные философские проблемы связаны с обыденным или типичным употреблениями определенных выражений, при этом не должен, следовательно, придерживаться точки зрения, согласно которой эти проблемы связаны с употреблением обыденных или разговорных выражений. Он может признавать, что существительное «бесконечно малые» отнюдь не относится к словам, употребляемым обычным человеком, и все же утверждать, что Беркли изучал обыденное или типичное употребление понятия «бесконечно малые», а именно стандартный (если не единственный) способ, в котором это слово использовалось специалистами-математиками. Беркли изучал не употребление разговорного слова, но правильное или стандартное употребление достаточно эзотерического слова. Мы не противоречим себе, говоря, что он изучал обыденное употребление необыденного выражения.

Ясно, что это же можно сказать о многих философских дискуссиях. В философии права, биологии, физике, математике, формальной логике, теологии, психологии и грамматике должны изучаться технические понятия, и для выражения этих понятий используются более или менее экзотические слова. Несомненно, изучение данных понятий свидетельствует о попытке с помощью нетехнических терминов прояснить технические термины той или другой специальной теории, но сама эта попытка включает в себя обсуждение обыденных или типичных употреблений этих технических терминов.

Несомненно также, что изучение философами типичных употреблений выражений, используемых всеми людьми, более важно, нежели изучение ими типичных употреблений выражений, которые используют только специалисты, например ученые или юристы. Специалисты разъясняют ученикам типичные употребления своих искусственных терминов, говоря с ними в незотерических терминах; им не приходится объяснять также типичные употребления этих незотерических терминов. Нетехническая терминология является в этом смысле основополагающей для технических терминологий. Таково же преимущество твердых денег над обменными чеками и билетами, таковы же и связанные с

ними неудобства, напоминающие о себе, когда осуществляются большие и сложные сделки.

Несомненно, наконец, что некоторые основные проблемы философии обуславливаются существованием логических неясностей, характерных не для той или иной специальной теории, но для мышления и рассуждения всех людей – как специалистов, так и неспециалистов. Понятия *причина, очевидность, знание, ошибка, должен, могу* и т. д. употребляются не только какой-то отдельной группой людей. Мы употребляем их до того, как начинаем разрабатывать специальные теории или следовать этим последним: мы не могли бы разрабатывать такие теории или следовать им, если бы уже заранее не умели употреблять эти понятия. Они принадлежат к началам всякого мышления, включая мышление специалиста. Но это не означает, что все философские проблемы связаны с такими основополагающими понятиями. И впрямь архитектор должен позаботиться о материале для здания, однако это не должно быть единственным предметом его заботы.

УПОТРЕБЛЕНИЕ

Рассмотрим теперь следующий момент. Словосочетание «обыденное (т. е. типичное) употребление выражения "...» часто произносят с ударением на слове «выражение» или на слове «обыденное», а слово «употребление» при этом остается в тени. Должно иметь место обратное. Важнейшим здесь является слово *«употреблением»*.

Вопрос, заданный Юмом, относился не к слову «причина» (*cause*), а к *употреблению* этого слова. Точно так же он относился и к *употреблению* слова «*Ursache*»^[5]. Ведь употребление слова «причина» совпадает с употреблением слова «*Ursache*», хотя сами эти слова различны. Вопрос Юма не был таким вопросом о единице английского языка, который чем-то отличался бы от вопроса о соответствующей единице немецкого языка. Функции английского слова не являются ни английскими, ни континентальными. То, что я делаю со своими ботинками, произведенными в Ноттингеме, а я в них хожу, не есть нечто произведенное в Ноттингеме; однако это не произведено также ни в Лейстере, ни в Дерби. Мои операции с шестипенсовой монетой не имеют ни обработанных, ни необработанных граней; они вовсе не имеют граней. Мы могли бы обсудить, что я могу и что не могу сделать с этой монетой, а именно что я могу или не могу на нее купить, какую сдачу я должен отдать или взять за нее и т. д. Но подобная дискуссия не будет касаться даты [производства], составных частей, формы, цвета или происхождения монеты. Речь идет о меновой стоимости этой или любой другой монеты того же достоинства, а не о самой *этой монете*. Обсуждение носит не нумизматический, а

коммерческий или финансовый характер. Перенос ударения на слово «употребление» помогает прояснить тот важный факт, что исследованию подлежат не какие-то другие характеристики или свойства слова, монеты или пары ботинок, но только функции этих или других предметов, с которыми мы производим такие же операции. Вот почему столь ошибочно классифицировать философские вопросы как лингвистические или же нелингвистические.

Мне кажется, что философы усвоили себе манеру говорить об употреблении выражений и даже возвели такого рода разговоры в ранг добродетели только в последние годы. Наши предки, было время, говорили вместо этого о *понятиях* или *идеях*, соответствующих выражениям. Во многих отношениях эта идиома была очень удобна, и для большинства ситуаций хорошо было бы ее сохранить. Впрочем, у нее был и недостаток: она побуждала людей затевать платоновские или локковские споры о статусе и происхождении этих понятий или идей. Создавалось впечатление, будто философ, который хочет обсуждать, скажем, понятия *причины*, *бесконечно малых* или *раскаяния*, *обязан* сначала решить, обладают ли эти понятия внекосмическим или только психологическим существованием, являются ли они интуитивно постижимыми трансцендентными сущностями или же даны только в личной интроспекции.

Позднее, когда философы восстали против психологизма в логике, в моду вошла другая идиома: стали говорить о *значениях* выражений, а «понятие причины» было заменено на «значение слова "причина" или любого другого слова с тем же значением». Эта новая идиома была также открыта для антиплатоновских и антилокковских придирок; однако ее самый большой недостаток состоял в другом. Философы и логики того времени пали жертвами характерной – и ошибочной – теории значения. Они сконструировали глагол «означать», которым обозначили отношение между выражением и некоей другой реальностью. Значение выражения они считали реальностью, именем которой является данное выражение. Поэтому считали (или были близки к такому мнению), что исследование значения выражения «Солнечная система» – то же самое, что и исследование Солнечной системы. В какой-то мере реакцией против этой ошибочной точки зрения было то, что философы стали предпочитать идиому «употребление выражений "... является причиной ..." и "... солнечная система"» Мы привыкли говорить об использовании безопасных английских булавок, перил, столовых ножей, символов и жестов. Эта знакомая идиома не только не имеет ничего общего, но даже и намек на общность ни с какими странными отношениями ни к каким странным реальностям. Она обращает наше внимание на передаваемые посредством научения процедуры и техники обращения с вещами или использования вещей, не вызывая нежелательных ассоциаций.

Обучение тому, как следует обращаться с веслом для каноэ, дорожным чеком или почтовой маркой, не является знакомством с какой-то дополнительной реальностью. Не является таковым и приобретение навыка употребления слов «если», «должен» и «предел».

У этой идиомы есть еще одно достоинство. Там, где можно говорить об умении обращаться, распоряжаться и использовать, можно говорить и о неправильном обращении, распоряжении и использовании. Правила соблюдают или же нарушают, кодексы осуществляют или обходят. Научиться использовать выражения - как и монеты, марки, чеки и ключики, – значит научиться делать с ними одно и не делать другое, а также узнать, когда можно и когда нельзя делать что-то. Среди вещей, которые мы узнаем в ходе освоения употребление языковых выражений, то, что можно приблизительно назвать «правилами логики». Так, хотя мать и отец оба могут быть высокого роста, они оба не могут быть выше друг друга, и хотя дяди могут быть богатыми или бедными, толстыми или тонкими, они не могут быть мужчинами или женщинами, но только мужчинами. Хотя было бы неправдоподобно сказать, что понятия, идеи или значения могут быть бессмысленными или абсурдными, вполне правдоподобно было бы утверждать, что некто может дать определенному выражению абсурдное употребление. Практикуемый или предлагаемый способ употребления выражения может быть логически незаконным или невозможным, но универсалия, состояние сознания или значение не могут быть логически законными или незаконными

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ПОЛЕЗНОСТЬ (UTILITY)

С другой стороны, обсуждение *употреблений* выражений часто бывает неадекватным. Люди склонны понимать значение слова «употребление» в том смысле, который безусловно допустим в английском языке, а именно как синоним «полезности». Они полагают, следовательно, что обсуждать употребление выражения значит обсуждать, для чего или в каком смысле оно полезно. Иногда такие соображения плодотворны с философской точки зрения. Но легко видеть, что обсуждение употребимости чего-то в одном смысле (*versus* бесполезности) в корне отличается от обсуждения его употребимости в другом смысле (*versus* неправильного употребления), т. е. способа, метода или характера его употребления. Женщина-водитель может усвоить, в чем состоит полезность запальной свечи, однако это не означает, что она научится соответствующим операциям с запальной свечой. Она не имеет (достаточных) навыков и компетенции, необходимых для манипуляции с запальной свечой, в отличие от навыков, которые необходимы для операций с рулем, монетами, словами и ножами. Запальные свечи в ее

машине сами себе хозяева. Или, скорее, у них вообще нет хозяина. Они просто автоматически функционируют, пока не перестают функционировать. Они полезны, даже необходимы для нее. Но она не умеет обращаться с ними.

Напротив, человек, который научился насвистывать мелодии, может не считать это занятие полезным или хотя бы приятным для других людей или для себя самого. Он справляется, хотя и не всегда, со своими губами, языком и дыханием и, более опосредовано, также с производимыми им нотами. Он умеет свистеть и может показать, а возможно, и рассказать нам о том, каким образом ему это удастся. Однако насвистывание мотивов – бесполезное занятие. Вопрос: «Как ты регулируешь дыхание или движение губ, когда свистишь?» требует положительного и развернутого ответа. Вопрос же: «Каково употребление, в чем состоит полезность свиста?» вызывает отрицательный и односложный ответ. Первый вопрос, в отличие от второго, касается технических деталей. Вопросы об употреблении выражения часто, хотя и не всегда, являются вопросами о способе обращения с ним, а не о том, для чего оно нужно человеку, который употребляет его. Они начинаются с «как», а не с «зачем». Последнего рода вопросы могут быть заданы, но в этом редко бывает необходимость, потому что ответ в данном случае обычно очевиден. В чужой стране я не спрашиваю, для чего нужны сантим или песета. Спрашиваю же я о том, сколько таких монет должен отдать за какой-то предмет или сколько монет смогу получить в обмен на полкроны. Я хочу знать, какова их меновая стоимость, а не то, что они нужны для покупки вещей.

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ОБЫЧАЙ

Гораздо более коварным, чем смешение способа употребления с полезностью, является смешение «употребления» (use), т. е. способа действия с чем-то, и «обычая» (usage). Многие философы, нацеленные преимущественно на проведение логико-лингвистических различений, ничтоже сумняшеся говорят так, словно «употребление» и «обычай» являются синонимами. Это просто грубейшая ошибка, и ее можно извинить разве лишь в том случае, если вспомнить, что в устаревшем выражении «use and wont»^[6] слово «use» можно, пожалуй, заменить словом «usage», что «used to» действительно обозначает «accustomed to» и что испытывать плохое обращение означает страдать от дурного обычая (to be hardly used is to suffer hard usage).

Слово «usage» обозначает обычай, практику или моду. Обычай может иметь локальное или широкое распространение, быть устаревшим или современным, сельским или городским, вульгарным или классическим. Обычай не может быть неправильным – так

же, как не может быть неправильной традиции или неправильной моды. Методы изучения лингвистических обычаев суть принадлежность филологии.

Напротив того, способ обращения с чезвием бритвы, словом, дорожным чеком или веслом для каноэ есть некая техника, умение или метод. Освоить эту технику – значит узнать, как делать что-то конкретное; это не предполагает социологических обобщений, даже социологических обобщений относительно других людей, которые производят такие же или другие действия с лезвиями бритв, словами, дорожными чеками или веслами каноэ. Робинзон Крузо мог выяснить для себя, как следует изготавливать и метать бумеранг; но это открытие ничего не сообщило бы ему о тех австралийских аборигенах, которые действительно делают и используют бумеранги именно таким образом. Описание фокуса не есть описание всех фокусников, которые выполняют или выполняли этот фокус. И напротив, чтобы описать тех, кто владеет секретами этого фокуса, мы должны быть в состоянии каким-то образом описать сам фокус. Госпожа Битон рассказывает нам, как готовить омлеты, но ничего не сообщает о парижских поварах. Бедкер же может поведать нам о парижских поварах и о тех из них, кто готовит омлеты. Однако если бы он захотел рассказать нам, как они готовят омлеты, ему пришлось бы описывать их технологию так же, как это делает госпожа Битон. Описание обычаев предполагает описание употребления, т. е. способа или технологии действия. более или менее широко принятой практики действия, которая и есть обычай.

Существует важное различие между использованием бумерангов, луков со стрелами и весел для каноэ, с одной стороны, и использованием теннисных ракеток, канатов для перетягивания, монет, марок и слов - с другой. Последние являются инструментами, которые связывают людей, т. е. инструментами общей деятельности или соревнования. Робинзон Крузо мог раскладывать пасьянс, но не мог играть в теннис или крикет. Так, человек, который учится пользоваться теннисной ракеткой, загребным веслом, монетой или словом, конечно, имеет возможность наблюдать других людей, использующих те же вещи. Он не может овладеть навыками подобных действий, требующих участия нескольких людей, не узнавая о других людях, которые (правильно или неправильно) выполняют эти же действия, – и в нормальном случае он приобретает такие навыки, наблюдая за тем, как практикуют их другие люди. И все же приобретение навыков не есть некое социологическое исследование и не нуждается в последнем. Ребенок может научиться использованию пенни, шиллингов и фунтов дома и в деревенском магазине, и его владение этими нехитрыми навыками не станет более совершенным, если он услышит о том, как в других местах и в иные времена люди использовали и сейчас используют (или же плохо используют) свои пенни, шиллинги и

фунты. Совершенное умение употреблять что-то не предполагает исчерпывающего или даже относительно полного знания об обычае, даже когда умелое пользование предметами действительно предполагает определенное знание о практических навыках некоторых других людей. В детстве нас учили использовать множество слов, но не учили историческим или социологическим обобщениям относительно людей, их употребляющих. Если знание последних вообще пришло, то пришло позднее.

Прежде чем продолжить, мы должны отметить, что между использованием весел для каноэ или теннисных ракеток, с одной стороны, и использованием почтовых марок, английских булавок, монет и слов – с другой существует важное различие. Теннисной ракеткой владеют с большим или меньшим совершенством, и даже чемпион по теннису стремится совершенствовать свое мастерство. Однако можно сказать, с некоторыми несущественными оговорками, что монеты, чеки, марки, отдельные слова, кнопки и шнурки для ботинок не открывают простора для таланта. Человек или знает или не знает, как использовать их и как использовать их правильно. Конечно, литературная композиция или аргументация могут быть более или менее искусными, но романист или адвокат знают значения слов «кролик» или «и» не лучше, чем обыкновенный человек. Здесь нет места для «лучше». Сходным образом чемпион по шахматам маневрирует более умело, чем дилетант, однако допустимые движения фигур он знает не лучше последнего. Оба они знают их отлично или, скорее, просто знают.

Безусловно, квалифицированный шахматист может описать допустимые движения фигур лучше, чем неквалифицированный. Однако он выполняет эти движения ничуть не лучше последнего. Я обмениваю полкроны не лучше, чем вы. Мы оба просто производим правильный обмен. И все же я могу описать такие действия более совершенным образом, нежели вы. Знание о том, как следует действовать, отличается от знания о том, как рассказать об этих действиях. Этот момент становится важным, когда мы обсуждаем, скажем, типичный способ использования слова «причина» (если допустить, что такой способ существует). Врач знает его типичное употребление так же хорошо, как и любой другой человек, но он, возможно, не сумеет ответить на вопросы философа, касающиеся этого употребления.

Чтобы избежать двух немаловажных смешений – «употребления» с «полезностью» и «употребления» с «обычаем», – я пытаюсь использовать, *interalia*^[7], вместо глагола и существительного «use» (употреблять, употребление) слова «employ» и «employment» (применять, применение). Поэтому я говорю следующим образом. Философам часто приходится описывать типичный (или, реже, нетипичный) способ применения выражения. Иногда такое выражение принадлежит к диалекту, иногда – к какому-то техническому

словарю, а иногда представляет собой нечто неопределенное. Описание способа применения выражения не требует информации о преимущественной или незначительной роли такого способа его применения и ничего не выигрывает от такой информации. Ведь философ, как и другие люди, уже давно научился применять это выражение и пытается описать то, что уже умеет.

Техники не суть моды – но могут быть модными. Некоторые из них бывают модными или же имеют распространение по каким-то другим причинам. Ведь не случайно способы применения слов, как и монет, марок и шахматных фигур, *имеют тенденцию* сохранять свою тождественность во всем сообществе и на протяжении длительного времени. Мы хотим понимать и быть понятыми и учимся родному языку у старших. И без всякого давления со стороны законов и словарей наш словарный запас имеет тенденцию к единообразию. Причуды и идиосинкразии в этих вопросах вредят коммуникации. Причуды и идиосинкразии в отношении почтовых марок, монет и движении шахматных фигур исключаются ясно сформулированными законами. В известной мере аналогичные требования предъявляются к многим техническим словарям – будучи сформулированными, например, в руководствах и учебниках. Хорошо известно, что эти тенденции к единообразию допускают исключения. Однако поскольку естественным образом существуют многочисленные весьма распространенные и почтенной давности лексические обычаи, философ иногда может позволить себе напомнить читателям о способе применения выражения, указывая на то «как годорит всякий», и на то, «как не говорит никто». Читатель рассматривает способ применения, которому он давным-давно научился, и укрепляется [в нем], когда узнает, что на его стороне большие батальоны. В сущности, конечно, это указание на численное превосходство философски бессмысленно, да и с точки зрения филологии рискованно. Вероятно, при этом стремятся прояснить логические правила, имплицитно управляющие каким-то понятием, т. е. способом употребления какого-то выражения (или любого другого выражения, выполняющего ту же функцию). Может быть, употребление этого выражения для выполнения данной конкретной функции широко распространено, но в любом случае это не представляет интереса для философии. Анализ функции не сводится к массовому наблюдению: последнее не поможет анализу функций. Но массовое наблюдение нуждается иногда в помощи этого анализа.

Прежде чем закончить обсуждение употребления выражения «употребление выражения "...»», я хочу привлечь внимание к одному интересному моменту. Мы можем спросить, знает ли какой-то человек, как следует и как не следует употреблять определенное слово. Но мы не можем спросить, знает ли он, как употреблять

определенное *предложение*. Когда группа слов приняла форму какой-то фразы, мы можем спросить о том, знает ли он, как следует употреблять эту фразу. Но когда ряд слов еще не принял формы фразы, мы можем спросить о том, знает ли он, как надо употреблять входящие в нее слова, но не о том, знает ли он, как употреблять этот ряд. Почему мы даже не можем спросить, знает ли он, как употреблять определенное предложение? Ведь мы говорим о значениях предложений, казалось бы, точно так же, как и о значениях входящих в них слов; поэтому если знание значения слова означает знание того, каким образом оно употребляется, то можно было бы ожидать, что знание значения предложения будет знанием того, как следует употреблять предложение. Однако данное рассуждение явно неверно.

Повариха, готовящая пирог, использует соль, сахар, муку, фасоль и бекон. Она использует (пусть иногда и неправильно) эти продукты в качестве ингредиентов. Но она не использует сам пирог. Пирог не есть ингредиент. Она использует также (хотя и в другом смысле и, может быть, неправильно) скалку, вилку, сковороду и духовку. Это орудия, с помощью которых она готовит пирог. Но пирог не есть еще одно орудие. Пирог приготовлен неплохо или хорошо из ингредиентов с помощью инструментов. Повариха использовала те и другие для приготовления пирога, но этот последний нельзя отнести ни к ингредиентам, ни к инструментам. В некотором смысле (но лишь в некотором) предложение неплохо или хорошо построено из слов. Для этого их использует говорящий или пишущий. Он составляет из слов предложение. Таким образом, предложение как таковое не есть то, что он употребляет правильно или неправильно, вообще - употребляет или не употребляет. Композиция не есть часть себя самой. Мы можем попросить человека сказать что-то (например, задать вопрос, отдать команду или рассказать анекдот), используя определенное слово или фразу, и он будет знать, что именно его попросили сделать. Но если мы просто попросим его произнести или записать какое-то определенное слово или фразу, он увидит, в чем состоит разница между этой просьбой и предыдущей. Ведь сейчас ему говорят не употребить, т. е. *инкорпорировать*, но просто произнести или записать слово или фразу. Предложения суть то, что мы говорим. Слова и фразы суть то, с помощью чего мы говорим.

Бывают словари, в которых собраны слова или лексические обороты. Но нет словарей, в которых были бы собраны предложения. И это объясняется не тем, что такие словари были бы бесконечно большими, а значит, практически неосуществимыми. Напротив того, работу над ними нельзя даже начать. Слова и обороты находятся под рукой, как бы в резервуаре, и люди могут использовать их, когда хотят сказать какие-то вещи. Но сами высказывания об этих вещах не являются вещами, которые содержались бы

в резервуаре, к которому люди могли бы обратиться, если бы захотели сказать эти вещи. То, что слова и обороты могут, а предложения не могут быть употреблены неправильно, поскольку предложения в этом смысле не могут быть употреблены вовсе, полностью согласуется с тем важным фактом, что предложения могут быть построены правильно или неправильно. Мы можем излагать вещи плохо или грамматически неверно и можем сказать вещи грамматически правильные, но не имеющие смысла.

Отсюда следует, что имеется большая разница между тем, что подразумевается под «значением слова или фразы», и тем, что подразумевается под «значением предложения». Понять слово или фразу – значит знать, как они употребляются, т. е. уметь заставить их играть свою роль в широком круге предложений. Но понять предложение – не значит знать, как заставить его исполнить свою роль. Это пьеса без роли.

Есть соблазн предположить, что вопрос: «Как соотносятся значения слов со значениями предложений?» является мудреным, но осмысленным, и что он напоминает вопрос: «Каково отношение меновой стоимости моего шиллинга к меновой стоимости конверта с моей зарплатой?» Но такое предположение неверно с самого начала.

Если я знаю значение слова или лексические обороты, то знаю нечто вроде неписаных правил или неписаного кодекса или общего рецепта. Я научился корректно употреблять это слово в неограниченном множестве разных обстоятельств. В этом смысле мое знание напоминает то, что я знаю, когда знаю, каким образом пользоваться ножом или пешкой в шахматной игре. Я научился использовать это слово или действие всегда и повсюду, где для него имеется поле применения. Идея же возможности повсюду использовать какое-то предложение принадлежит к разряду фантастических. Предложение не имеет роли, которую оно могло бы снова и снова исполнять в разных пьесах. Оно вообще не имеет никакой роли, если только не предполагать, будто пьеса тоже играет какую-то роль. Знать, что оно означает, не значит знать нечто вроде кодекса или совокупности правил, хотя оно и требует знания кодексов или правил, которые управляют употреблением составляющих его слов или фраз. Имеются общие правила или рецепты построения определенных видов предложений, но не общие правила или рецепты построения конкретных предложений вроде «Сегодня понедельник». Знание значения предложения «Сегодня понедельник» не есть знание общих правил, кодексов или рецептов, управляющих употреблением этого предложения, поскольку нет такой вещи, как использование, а значит, и неоднократное использование этого предложения. Я думаю, что это связано с тем фактом, что предложения и предложения, являющиеся частями сложного предложения, имеют смысл или не имеют смысла, тогда как этого нельзя сказать о словах, и что квазипредложения могут быть абсурдными или бессмысленными, а квазислова не

являются ни абсурдными, ни бессмысленными, но лишь лишенными значения. Я могу говорить глупые вещи, но слова не могут быть ни глупыми, ни неглупыми.

ФИЛОСОФИЯ И ОБЫДЕННЫЙ ЯЗЫК

Модная фраза "употребление обыденного языка" может вызывать у некоторых людей мысль о существовании философского учения, согласно которому: а) все философские исследования производятся в отношении к общеупотребительным, а не к более или менее техническим, академическим или эзотерическим терминам, б) вследствие этого все философские дискуссии должны формулироваться исключительно посредством общеупотребительных слов. Этот вывод ошибочен, хотя в его заключении есть своя правда. Даже если бы было верно (а это не так), что все философские проблемы связаны с нетехническими понятиями, т. е. со способом использования общеупотребительных выражений, то из этого (ложного) допущения не следовало бы, что обсуждение этих проблем должно вестись или лучше всего вести на языке английских, французских или немецких присяжных.

Из того факта, что филолог изучает те английские слова, которые имеют кельтское происхождение, не следует, что он должен говорить о них или наилучшим образом скажет то, что должен сказать о них, словами кельтского происхождения. Из факта, что психолог обсуждает психологию остроумия, не следует, что он непременно должен проявлять остроумие в своих текстах. Ясно, что в своих сочинениях он не обязан блистать остроумием.

В большинстве своем философы использовали многие технические термины прежней или современной логической теории. Иногда мы хотим, возможно, чтобы они были чуть более скептически. Но мы не упрекаем их за использование этих технических средств. Если бы они пытались обойтись без последних, нам пришлось бы пожалеть об их многословии.

Однако рабская приверженность жаргону, будь то унаследованный или изобретенный самостоятельно, является, конечно, плохим качеством для любого автора – и философа, и нефилософа. Она уменьшает число людей, которые могут понять его сочинения и подвергнуть их критике, что может направить его мысли по изолированному руслу. Употребление жаргона, которого можно избежать, свидетельствует о дурных литературных манерах и плохой педагогической тактике, а кроме того, наносит вред уму самого мыслителя.

Это относится не только к философии. Чиновникам, судьям, теологам, литературным критикам, банкирам и возможно, главным образом, психологам и

социологам, можно дать хороший совет – всеми силами стараться писать ясно и прямо. И тем не менее Гоббс, обладавший добродетелью ясного и прямого письма, был не столь философичен, как Кант, которому ее не доставало, а поздние диалоги Платона, хотя они и более трудны для перевода, отличаются достоинствами, отсутствующими в ранних диалогах. Да и простоты изложения миллевского обоснования математики недостаточно, чтобы убедить нас предпочесть ему более эзотерическую теорию Фреге.

Короче говоря, не существует обязанности воздерживаться от эзотеризма, которая *apriori* или специально налагалась бы на философов, но существует обязанность, общая для всех мыслителей и писателей: она состоит в том, чтобы стараться мыслить и писать как можно более энергично и ясно. Но ясность изложения не всегда свидетельствует о силе мысли, хотя обычно эти два качества идут рука об руку.

Между прочим, глупо было бы требовать, чтобы язык специальных журналов был таким же эзотерическим, как язык книг. Можно рассчитывать на то, что коллеги будут употреблять и понимать специальные термины друг друга. Но книги пишутся не только для коллег. Судья не должен говорить с присяжным на том же языке, на каком может говорить со своими коллегами. Иногда, но действительно лишь иногда, ему можно было бы посоветовать обращаться даже к своим товарищам по профессии и к себе самому на том языке, на каком он должен обращаться к присяжному. Все зависит от того, являются ли употребляемые им технические термины помощниками или помехой для дела. Скорее всего, они окажутся помехой, если являются наследием того времени, когда сегодняшние вопросы даже не возникали. Именно это оправдывает регулярные и благотворные восстания философов против философского жаргона своих предшественников.

Имеется еще одна причина, по которой философы иногда должны избегать технических терминов специалистов в других областях. Даже когда философ рассматривает основные понятия, скажем физической теории, его задача обычно состоит в том, чтобы установить логические пересечения, которые существуют между понятиями этой теории и понятиями математики, теологии, биологии или психологии. Очень часто основная проблема философа связана с определением этих пересечений. Решая такого рода проблемы, он не может попросту использовать понятия одной из этих теорий. Он должен отстраниться от обеих сравниваемых теорий и обсуждать их понятия в терминах, которые не принадлежат ни к одной из них. Он может придумать собственные термины, но, стремясь облегчить понимание, может предпочесть и понятия обычного человека. Они обладают необходимой нейтральностью, даже если им недостает той частичной кодификации, которая дисциплинирует специальные термины, используемые профессионалами. Употребление таких «меновых» терминов регламентировано не столь

жестко, как употребление бухгалтерских терминов, но когда нам надо определить коэффициенты обмена разных валют, мы обращаемся к «меновым» терминам. Переговоры между теориями могут и должны вестись с помощью дотеоретических понятий.

До сих пор, надеюсь, я скорее успокаивал, нежели провоцировал. Сейчас я хочу сказать две вещи, спорные с точки зрения философии.

(а) Имеется особая причина, в силу которой философы, в отличие от других профессионалов и специалистов, отбрасывают *intoto* [8] все технические термины своих предшественников (за исключением некоторых технических терминов формальной логики), - причина, в силу которой слова, относящиеся к жаргону эпистемологов, этиков, эстетиков и т. д., кажутся скорее грунтовыми однолетками, нежели выносливыми многолетними растениями. Эта причина состоит в следующем. Профессионалы, которые используют технические термины бриджа, права, химии и водопроводного дела, учатся использовать их отчасти по официальным инструкциям, но в большей мере благодаря своему участию в специальных технических процедурах и непосредственных операциях со специальными материалами или объектами. Они самостоятельно знакомятся с упряжью, будучи вынуждены ездить на своих (незнакомых нам) лошадях.

Но другое дело – термины самой философии (за исключением терминов формальной логики). Не существует особой области знания или умения, в которой философы *ex officio* [9] становятся специалистами, кроме, конечно, самого философствования. Мы знаем, посредством какого рода специальной работы овладевают понятиями *прорезывание*, *деликт*, *сульфаниламид* и *посадка клапана*. Какая же специальная работа должна быть проделана философами, чтобы овладеть соответственно понятиями *познание*, *ощущение*, *вторичные качества* и *сущности*? Какие упражнения и трудности научили их тому, как следует употреблять эти термины, чтобы не употреблять их неправильно?

Аргументы философа, содержащие эти термины, рано или поздно приобретают тенденцию к бессмысленному круговращению. Ничто не может заставить их указывать на север, а не на северо-северо-восток. Игрок в бридж не может легкомысленно и бездумно играть с понятиями *прорезывание* и *ренонс*. Если он пытается заставить их работать удобным для себя образом, то они оказывают сопротивление. В этом отношении неофициальные термины повседневного дискурса напоминают специальные термины. Они тоже упираются, если их используют неверно. Нельзя сказать, будто некто знает, что нечто имеет место, когда в действительности это не так; точно так же, как нельзя сказать, что игрок в бридж, начинающий партию, объявил ренонс. Употреблению глагола «знать» нам пришлось учиться в нелегкой школе повседневной жизни, а использованию выражения

«объявить ренонс» – за столом для бриджа. Подобной трудной школы, в которой можно было бы научиться употреблению глаголов «познавать» и «ощущать», не существует. Поэтому философские аргументы, которые, как считается, должны разворачивать эти единицы, не выигрывают и не проигрывают никаких сражений, ведь философы вовсе не выводят их на поле боя. Значит, обращение от философского жаргона к тем выражениям, должному употреблению которых нам всем пришлось научиться (как шахматист выучил возможные движения фигур), часто имеет смысл. Обращение же от официального языка науки, игры или права к словарю обычного человека часто (если не всегда) будет выглядеть смешным. Одной из противоположностей слова «обыденный» (в выражении «обыденный язык») является выражение «жаргон философов».

(б) Сейчас мы обсудим совсем другой, весьма важный сегодня момент. Обращению к тому, что мы говорим и не говорим или можем и не можем сказать, часто упорно противостоят сторонники и столь же упорно способствуют противники одной конкретной доктрины. Это доктрина, согласно которой философские споры могут и должны решаться посредством формализации противоположных тезисов. Теория является формализованной, если она переведена с естественного языка (нетехнического, технического или полутехнического), на котором была первоначально создана, на тщательно продуманный символический язык, подобный, например, языку "Principia Mathematica". Утверждается, что логика теоретической позиции может быть подчинена правилам посредством распределения ее неформальных понятий между содержательно нейтральными логическими постоянными, поведение которых в выводе регулируется набором правил. Формализация заменит логические головоломки логическими проблемами, поддающимися решению с помощью известных и передаваемых посредством обучения процедур исчисления. Таким образом, одной из противоположностей слова «обыденный» (в выражении «обыденный язык») является слово «символический» (notational).

Некоторые из тех, кому мечта поборника формализации представляется всего лишь мечтой – а я принадлежу к их числу, – утверждают, что логика повседневных утверждений, и даже логика утверждений ученых, юристов, историков и игроков в бридж, в принципе не может быть адекватно представлена посредством формул формальной логики. Так называемые логические постоянные, отчасти благодаря продуманному ограничению, действительно имеют рассчитанную логическую силу. Однако неформальные выражения и повседневного, и технического дискурса имеют собственные нерегламентированные логические возможности, которые нельзя без остатка свести к логическим возможностям марионеток формальной логики. Название романа А. Е. У. Мэйсона «Они не должны быть шахматистами» имеет прямое отношение и к техническим,

и к нетехническим выражениям профессиональной и повседневной жизни. Это не означает, что изучение логического поведения терминов несимволического дискурса не облегчается благодаря использованию средств формальной логики. Конечно, формальная логика здесь помогает. Так же игра в шахматы может помочь генералам, хотя и нельзя заменить военные действия партией в шахматы.

Я не хочу обсуждать эту важную проблему в деталях. Я хочу только показать, что сопротивление одной из форм обращения к обыденному языку предполагает программы формализации. Лозунг «назад к обыденному языку» может быть девизом тех людей, которые избавились от мечты о формализации (хотя часто его провозглашение диктуется другими соображениями). В этом смысле данный лозунг должны отвергать только те, кто надеется заменить философствование вычислением.

ВЕРДИКТ

Должна ли философия, в конечном счете, рассматривать употребление выражений? Спросить так - значит просто спросить, относятся ли к философии обсуждения понятий, скажем, понятий *свободны выбор, бесконечно малые, число* или *причина*. Разумеется, на этот вопрос следует ответить положительно. Такие рассмотрения всегда предпринимались и не оставлены и поныне.

Выигрываем ли мы или проигрываем, старательно твердя, что занимаемся изучением типичного употребления, скажем, слова «причина», – это в значительной мере зависит от контекста наших обсуждений и от интеллектуальных привычек людей, с которыми мы дискутируем. Конечно же, это весьма многословный способ сообщить о том, чем мы заняты, а кавычки, конечно, неприятны для глаза. Но важнее этих мелочей то, что поглощенность вопросами о методах имеет тенденцию отвлекать нас от следования самим методам. Как правило, излишне беспокоясь о своих ногах, мы бежим хуже, а не лучше. Поэтому позвольте нам хотя бы через день произносить понятие *причинность*, а не исследовать его. Или, еще лучше, позвольте нам в эти дни не говорить о нем вовсе, а просто использовать его.

Однако сия многословная идиома имеет и большие преимущества, возмещающие указанный недостаток. Если мы занимаемся проблемами восприятия, т. е. обсуждаем вопросы, касающиеся понятий зрения, слуха и обоняния, то нас могут вовлечь в решение проблем оптиков, нейрофизиологов или психологов, и мы можем даже сделать этот ошибочный шаг сами. Поэтому полезно постоянно напоминать себе и другим о том, что мы стараемся объяснить, как употребляются некоторые слова, а именно такие, как

«видеть», «просмотреть», «слепой», «делать видимым» и многие другие подобные выражения.

И последнее. Я вкратце сказал об изучении способов использования выражений и их описании. Но эти способы многомерны, и лишь некоторые их стороны представляют интерес для философов. Различия в стилистических красотах, риторической убедительности и социальной уместности должны быть предметом рассмотрения, но только не философского; философы могут заняться этими аспектами разве лишь *per accidens* [10]. Черчилль допустил бы грубый риторический промах, если бы в место: «We shall fight them on the beaches...» сказал: We shall fight them on the sands...» [11]. Слово «sands» навело бы на мысль о детских праздниках в Скегнесе. Но такого рода неправильное употребление слова «sands» не должно интересовать философов. Нас интересует неформальная логика использования выражений, природа грубейших логических ошибок, которые люди совершают или могут совершить, определенным образом составляя группы слов, или, если говорить более содержательно, та логическая сила, какой обладают выражения в качестве составных частей теорий и точки опоры конкретных аргументов. Вот почему в своих дискуссиях мы спорим с выражениями и одновременно об этих выражениях. Мы пытаемся зафиксировать то, что показываем, привести в систему те самые логические законы, которые мы при этом подмечаем.

[1] Ryle G. Ordinary Language // Philosophy and Ordinary Language, Urbana, 1960, pp. 108–127. Перевод выполнен И. В. Борисовой.

[2] Тем более (*лат.*) – Прим. перев.

[3] Подтяжки (*амер.*); подвязки для чулок (*брит.*) – Прим. перев.

[4] Милый; *уст.* притворно-застенчивый, жеманный. – Прим. перев.

[5] Причина (*нем.*) – Прим. перев.

[6] Wont - *уст.* обыкновение, привычка. - Прим. перев.

[7] Ко всему прочему, между прочим (*лат.*) – Прим. перев.

[8] В целом (*лат.*) – Прим. перев.

[9] По обязанности, по должности (*лат.*) – Прим. перев.

[10] Случайно (*лат.*) – Прим. перев.

[11] Beach – берег, взморье, пляж; sand - песок; *pl.* песчаный пляж; песочница. В обоих случаях подразумевается - «Мы дадим бой на берегу...».
– *Прим. перев.*